

В прошлой жизни Чэнь Сяююнь помнил, как его семья каждый год изо всех сил старалась собрать почти 1 000 юаней на учёбу для него и Чэнь Чжу. Отец Чэнь Сяююня иногда присылал деньги, и тогда всё было хорошо, но если денег не было, то вся семья погружалась в тревогу. Дедушка Чэнь и бабушка Чэнь вынуждены были повсюду занимать, но ведь они и раньше брали в долг, а возвращать было нечем. В сельской местности у кого было много денег, чтобы давать в долг? Даже если кто-то и соглашался, то боялись, что долг не вернут. Как говорится: «Помогают в крайней нужде, но не в бедности».

Но больше всего Чэнь Сяююнь до самой смерти помнил, как в шесть лет, тем летом, его сандалии сломались, и он ходил в школу босиком. Возвращаясь домой, он порезал ступню о камни, и кровь продолжала течь, даже когда он добрался до дома. Дедушка Чэнь, увидев это, ничего не сказал, а днём отправился в Туаньба, что было в двух часах ходьбы, чтобы носить цемент. За одну ношу платили два цзяо, а каждая ноша весила почти 100 цзиней. Дедушка Чэнь два дня таскал цемент под палящим солнцем, заработал два юаня и купил ему новые сандалии. Но плечи дедушки от постоянного трения коромысла покрылись ранами, а из-за жары началось нагноение.

В том же году дедушка Чэнь пошёл занимать деньги на учёбу, но семья, к которой он обратился, отказала. После его ухода они сказали другим:

— Лучше дать нищему, чем им. Они такие бедные, всё равно не вернут.

Эти слова дошли до ушей дедушки и бабушки Чэнь. Бабушка горько плакала дома, а дедушка всю ночь курил в задумчивости, а наутро решил отправиться на заработки в уездный город.

Сейчас Чэнь Сяююнь наблюдал, как бабушка в кухне радостно готовит праздничный ужин, иногда даже напевая. Голос у неё был особенно приятным и звонким, а песни — прекрасными. Бабушка любила петь, и когда у неё было хорошее настроение, она всегда пела. Чэнь Сяююнь очень любил это.

Дедушка Чэнь размешивал рисовую пасту, готовясь клеить новогодние парные надписи на дверь, и всё его существо излучало спокойствие и удовлетворение.

Чэнь Сяююнь, слушая пение бабушки из кухни и изредка доносящийся смех Чэнь Чжу, помогал дедушке выравнивать надписи на двери. В душе он думал, как хорошо, что выбрал возможность начать всё заново.

В шесть вечера начался праздничный ужин. Бабушка налила несколько рюмок вина, поставила на стол тарелки и палочки, открыла двери настезь, и дедушка начал звать старших предков семьи. Это был местный обычай — приглашать умерших предков присоединиться к празднованию.

Пока дедушка звал предков, бабушка тоже не сидела сложа руки. Она налила вино в чашку и побрызгала им в каждом углу дома, чтобы изгнать нечисть, которая могла там скрываться.

После того как предков позвали, все сели за стол. В доме Чэнь Сяююня не было телевизора. Вообще, во всём посёлке только в доме старосты был телевизор, да и то чёрно-белый, который ловил только один канал, да и то не всегда.

Поэтому, в отличие от будущих времён, когда можно было посмотреть новогодний гала-концерт, ужин проходил медленно и размеренно.

Бабушка просила дедушку есть больше и пить меньше, зная, что после ужина он пойдёт в гости

к другим, чтобы продолжить пить.

Действительно, примерно через час после начала ужина пришёл четвёртый дедушка, чтобы позвать дедушку Чэнь к себе. После этого они пошли в гости к другим, и так продолжалось до полуночи, когда дедушка наконец вернулся домой с толпой гостей. Бабушка и Чэнь Чжу начали разогревать еду и подогревать вино.

Чэнь Сяююнь, будучи ещё маленьким, не смог дожидаться возвращения дедушки и, поздравив старших с Новым годом, отправился спать.

Только он лёг, как бабушка вошла в комнату и дала ему красный конверт. Это был не городской бумажный конверт, а маленький красный мешочек, который бабушка сшила своими руками. Каждый год она делала два таких мешочка, чтобы дарить Чэнь Сяююню и Чэнь Чжу деньги на Новый год.

Бабушка положила конверт под его подушку и сказала:

— В этом году я и дедушка дали тебе и твоей тёте по десять юаней. Я не буду их забирать, храните сами. Только не потеряй, а то в следующем году я заберу.

Чэнь Сяююнь был очень рад и пообещал хранить деньги бережно. Поздоровавшись с бабушкой, он быстро заснул.

Бабушка, убедившись, что он спит, поправила одеяло и вышла, чтобы посмотреть, не нужно ли что-то подогреть для гостей, которые всё ещё пили в главной комнате.

* * *

В первый день Нового года нельзя было спать допоздна, иначе весь год проведёшь в постели.

Также нельзя было принимать лекарства, если только это не было жизненно необходимо. Считалось, что если в первый день года принимать лекарства, то весь год будешь болеть.

В первый день года нельзя было доводить чужих детей до слёз, иначе весь год будет неудачным.

Кроме того, в первый день года, кроме раздачи красных конвертов детям, нельзя было тратить деньги, иначе весь год не удастся накопить.

В этот день было так много обычаев.

Чэнь Сяююнь оказался последним, кто встал в доме. Его разбудил Си Мохань, вытащив из-под одеяла.

В семье Си было только он и дедушка Си. Сам дедушка не умел готовить танъюань, а тофу для него делала бабушка Чэнь, поэтому они заранее договорились, что в первый день Нового года придут к Чэнь Сяююню на завтрак.

Чэнь Сяююнь, увидев дедушку Си, который сидел в главной комнате и ел танъюань, поздравил его с Новым годом. Дедушка Си положил миску, достал из кармана красный конверт и вручил ему. Конверт был сделан из красной бумаги. Чэнь Сяююнь поблагодарил, не взглянув на сумму, и положил конверт в карман.

Войдя в кухню, он увидел, что Чэнь Чжу уже налила ему воды для умывания. Быстро

умывшись, он с нетерпением принялся за танъюань.

Танъюань у них был не такой, как в городе — маленький, а большой, с начинкой из фарша, который бабушка делала сама. Фарш состоял из тофу, свинины с прослойками жира и зелёного лука. Один укус, и мягкий танъюань раскрывал ароматную начинку. Вкус был просто восхитительным.

Конечно, если кто-то любил сладкое, можно было добавить в начинку коричневый сахар и крошку из арахиса и кунжута.

В семье Чэнь Сяююня только дедушка ел сладкий танъюань, а бабушка, Чэнь Чжу и он сам предпочитали солёный.

На этот раз, зная, что Си Мохань любит сладкое, бабушка приготовила много танъюаня с коричневым сахаром и крошкой из арахиса и кунжута.

Си Мохань, увидев сладкий танъюань, ничего не сказал и съел сразу шесть штук.

Чэнь Сяююнь был в шоке. Шесть штук! А ведь танъюань, который готовила бабушка, был размером с кулак взрослого мужчины, а не маленький, который можно съесть за один укус. Он даже не мог понять, куда Си Мохань всё это поместил. Настоящее восхищение.

В этот день дети были самыми счастливыми. Съев утром танъюань, они начинали ходить по домам, а взрослые в каждом доме готовили арахис, семечки и конфеты, чтобы угощать гостей. Чем больше детей приходило, тем радостнее были хозяева.

В прошлой жизни Чэнь Сяююнь тоже очень любил этот день, потому что только тогда он мог есть сладости без ограничений, и никто его не ругал.

Сейчас, честно говоря, он не так уж и радовался. Чэнь Сяююнь ещё не доел танъюань, как его двоюродный брат Чэнь Линь и Ван Ци пришли позвать его с собой. Чэнь Сяююнь увидел, что они несут маленькие мешочки. Он чуть не рассмеялся. Они что, собирались забрать с собой всё, что не смогут съесть?

Чэнь Сяююнь ещё не успел отказаться, как бабушка тоже достала мешочек, насыпала туда арахиса, семечек и конфет и велела ему идти с Чэнь Линем и Ван Ци.

<http://bllate.org/book/16464/1494585>